Писатель больше всего боится забвения. Казалось бы, публикация произведений избавляет от него, но это не так. Тысячи лет назад выбитые на камнях надписи скалывали, слова с пергамента соскабливали и смывали, писали новое, свое. Позже книги сжигали, и не только потому, что они вредны – попросту печки топили, и в огонь летели последние экземпляры; а с увеличением тиражей и сжигать оказалось не надо – большинство книг, бумажных или цифровых, не замечают. Совершенно. Почти всё написанное, изданное, опубликованное тут же погружается в реку забвения. Вместе с именем автора.

Вынырнуть из этой страшной реки едва ли кому удается. По сути, мы читаем, скажем, из русской литературы пусть золотые, драгоценные, но крупицы. Протопопа Аввакума из XVII века, двух-трех авторов века XVIII-го, десятка два XIX-го, десятка три-четыре XX-го. Еще кое-кого знаем лишь по фамилии, а другие творившие для нас – пустой звук.

Может быть, это справедливо, вернее – закономерно. Даже самой богатой в смысле духовной культуры нации невозможно иметь слишком широкий первый ряд. Иначе он потеряет ценность. Соответственно, небесконечен и ряд второй. Остальное – сотни тысяч писателей и миллионы их произведений – исчезает бесследно или оседает в подвалах архивов в ожидании энтузиаста-исследователя, который может вывести автора и его наследие на свет божий.

Серебряный век породил множество талантливых поэтов. Живут в русской литературе несколько имен. Еще несколько появляются в антологиях,

кто-то упоминается в статьях и монографиях через запятую… Время от времени литературоведы пытаются вернуть читателю очередного забытого сочинителя, издатели выпускают сборники стихов, но почти всегда это заканчивается неудачей: сочинитель вновь уходит в небытие.

Воскреснуть в литературе – такое же чудо, что и в реальной жизни.

Чудо произошло с тем, кто, казалось, был забыт прочно и навсегда; кто писал о себе в тридцать восемь лет от роду и за девять лет до смерти: «…к сожалению моему, судьба неудачника отяготела надо мною и, вероятно, я не только не добьюсь известности и успеха, но погибну безвременно от голода и нищеты. <…> неудачником рожденный и в гроб должен сойти неудачником, не поведав о себе ничего и никакого следа в жизни не оставив».

Человек, как говорится, предполагает, а Бог (или некие другие силы) располагает. И теперь этот человек на слуху. Более того, на него возникла чуть ли не мода. О нем пишут литературоведы и историки литературы, его лирические стихотворения, красиво оформив виньетками, выставляют на своих страницах в интернете девушки с нежной душой, а стихотворения иного рода – декаденты, панки, некрофилы, эзотерики наших дней.

Евгений Евтушенко не только включил его произведения в «Строфы века», но и посвятил ему свое, где есть такие строки: «…недопроклятый русский поэт, / кому даже в земле ни объятия, / ни проклятия, / столь долгожданного, нет».

Зовут этого «недопроклятого» Александр Иванович Тиняков.

Интерес к нему возник в начале 1990-х, и не потому, видимо, что тогда было многое рассекречено, стало доступным исследователям (получая не так давно в архивах и библиотеках его прижизненно изданные книги, рукописи, письма, материалы о нем, я видел, что большая часть их была затребована и в 1960–1980-е годы); нет, скорее всего, противоречивая фигура Тинякова, его необычная судьба оказались созвучны происходящему в ельцинский «переходный период», да и тому, что продолжает происходить сегодня.

«…О жизни Тинякова можно было бы написать увлекательный роман, особенно если бы о ней было известно лучше, чем нам сейчас», – предположил составитель и автор предисловия к первому после семидесятипятилетнего перерыва сборнику его стихотворений Николай Богомолов.

Замечу, для написания биографического романа не нужно особенно много материалов о жизни героя, но в общем полностью согласен – жизнь Александра Ивановича (это не фамильярность – его именем-отчеством назвал один из очерков, а вернее, по сути, рассказ, Георгий Иванов) тянет на роман. Психологический, приключенческий, исторический, морализаторский… Но я ограничусь очерком жизни и творчества.

* * *

Орловская земля щедра на литераторов. Тургенев, Тютчев, Лесков, Фет, Апухтин, Якушкин, Писарев, Бунин, Зайцев, Пришвин, Андреев, Вольнов, Потемкин, Блынский, Шорохов… Всё это красавцы, большинство – настоящие русские богатыри. Изумительные лирики и пейзажисты (включая и Дмитрия Писарева). Но почти всех объединяют и странные, с изломами, роковыми поступками судьбы, которые нельзя объяснить только изломами русской истории. Дело здесь скорее в особенностях натуры.

Лириком и пейзажистом по природе своей был и Тиняков. Правда, с первых же шагов на писательском поприще он обратился к вроде бы со-

вершенно чуждому тому миру, в каком родился и рос, своей собственной природе декадентству. Смешно ведь – декадент из мужиков, Шарль Бодлер Мценского уезда. Но попытаемся понять, откуда это взялось и посмотреть, к чему привело…

Родился Александр Тиняков 13-го (25-го по новому стилю) ноября 1886 года в селе Богородицком Мценского уезда Орловской губернии. Ныне это – Свердловский район Орловской области. В районе два Богородицких; нужное нам – теперь в нем двадцать с небольшим жителей – стоит на реке Оптухе, впадающей в Оку. Природа классически русская: равнины, рощицы, овраги. Над этим всем – широкое поле неба.

Правда, в уголовном деле Тинякова, хранящемся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, местом его рождения указано село Становой Колодезь. Впрочем, это рядом, каких-то несколько километров.

В своей повести в документах «“Исповедь антисемита”, или К истории одной статьи» («Литературное обозрение, 1992, № 1; сокращенный вариант – «Ной», 1994, № 8), давшей старт десяткам и десяткам статей о Тинякове, Вардван Варжапетян пишет: «Крестьянский сын, он и гордился, и стыдился за мужицкое свое происхождение; выдавал себя то за нищего, то за наследника богатого орловского помещика, радовался, читая на конвертах “Его высокородию А.И. Тинякову”».

В утверждениях Тинякова, что он то из крестьян (подчеркну – государственных, а не крепостных), то нищий, то наследник богатого помещика, нет противоречия. Его род по отцу действительно был крестьянский. Но еще в 1860-х прадед купил первое имение (300 десятин земли), затем второе (600 десятин), третье, четвертое… Это были богатые помещики, но не дворянские, не купеческие, а именно крестьянские. (Кстати сказать, почти не освещенное литературой сословие.) Порядки в таких имениях царили отнюдь не аристократические.

Отец время от времени лишал непутевого, оторвавшегося от их среды сына наследства, не высылал денег, и тот превращался в нищего, выпрашивающего у знакомых дворян-литераторов поношенные костюмы. Потом отец прощал, и Тиняков превращался в наследника… (В скобках замечу – в полном собрании сочинений Льва Толстого, том 74, «Письма 1903 года», Александр обозначен как «шестнадцатилетний сын купца, церковного старосты».)

Дальше я буду периодически цитировать «Отрывки из моей биографии» (так, с высокомерной скромностью, назвал семь листочков из школьной тетради в клеточку, ныне хранящихся в Пушкинском Доме, сам Тиняков), написанные в апреле 1925 года по просьбе библиографа Петра Васильевича Быкова. Этот документ до сих пор является, в общем-то, единственным источником сведений о детстве и отрочестве нашего героя.

Хотя род Тиняковых на Орловщине известный (советую обратиться, например, к работам орловского краеведа Василия Агошкова). Дед поэта Максим Александрович был фигурой поистине знаменитой – богач, жертвователь на строительство храмов, настоящий образец патриархального семейства. Жители Станового Колодезя отлили его бюст, который пропал после революции.

Но в семействе этом кипели нешуточные страсти. Вот что вспоминал Александр Иванович в своих «Отрывках…»:

«Всех своих многочисленных сыновей и замужних дочерей, а также и внуков, он держал в полном у себя подчинении. Помню, как в 1897 г. по его настоянию его старшая внучка, моя кузина, вышла замуж

за нелюбимого человека. Таких слез, какие проливала она, – да и почти все ее близкие, – перед этой свадьбой, я не видал и на похоронах. Эта самая кузина была моей первой страстной любовью: у меня до сих пор цела ее карточка с надписью от 1893 г. (мне шел тогда 7-й год).

На мою жизнь дед пытался повлиять только однажды – в 1897 г., когда отец решил отдать меня в гимназию. Дед решительно воспротивился. Но и отец, во всем ему подчинявшийся, на этот раз настоял на своем.

Теперь я думаю, что дедушка был по существу прав. О моих психических особенностях, в частности о моих литературных способностях он, конечно, тогда знать не мог, а среднего ребенка из такой патриархальной крестьянско-кулацкой среды отдавать в гимназию безусловно не следовало, так как для того, чтобы вести хозяйство и торговлю и выжимать из крестьян пот, вовсе не нужно знать ни Цезаря, ни Овидия, ни геометрию, ни русскую литературу. Дедушка был мудро последователен, а отец проявил здесь очень нездоровый уклон, разросшийся впоследствии до того, что он даже и дочерей не только отдал в гимназию, но и отпустил их потом на высшие женские курсы, правда, – не без борьбы. Это я считаю явным признаком разложения праведной патриархальной жизни.

Предки моей матери происходили из мещан г. Орла. Дед с материнской стороны – Лука Федорович Позднеев (†1895 г.) также был человеком выдающимся. Не получив никакого образования, он играл видную общественную роль в городе, в 1881 г. был в числе депутатов, поздравлявших императора Александра III с восшествием на престол, принимал у себя на дому архиереев и губернаторов. С семейными он также обращался деспотически. Его старший сын отравился, потому что дед мой не позволил ему жениться на любимой девушке. Хотя этого моего деда я не люблю, но в данном случае считаю его правым, а к памяти моего дяди-самоубийцы отношусь с величайшим отвращением, хотя я и никогда не видал его, т. к. в год его самоубийства мне не было еще года от роду.

Отец мой – Иван Максимович (†1921 г.) унаследовал от деда его коммерческие способности и до значительной степени его властный, крутой характер. Но дедовской силы в нем все же не было. Надо, впрочем, сознаться, что и внутренние жизненные условия, выпавшие на его долю, оказались значительно тяжелее, чем те, среди которых жил дед.

Дед был женат на крестьянке из родного села; она нарожала ему здоровых, грубоватых ребят и до глубокой старости (†1906 г.) хлопотала по хозяйству, следила за каждой тряпкой и щепкой, за каждым куриным яйцом и грошом.

Отец же мой женился на горожанке, взятой из семьи состоятельной и на вид почтенной, но уже тронутой вырождением. <…> Мать моя – Мария Лукинична (†1919 г.) также не была психически здоровой женщиной. Ей бы надо было уйти в монастырь, сидеть за пяльцами, вышивать алые розы на белом шелку, мечтать и молиться. Там бы она была обезврежена. Но ее выдали замуж за грубого, земного, напористого человека, соединили огонь и лед, и – в результате – еще одна патриархальная русская семья оказалась подточенной изнутри.

Я до сих пор ненавижу мою мать, хотя я знаю, что никто в жизни не любил меня так глубоко, так мучительно и беззаветно, как любила меня она. Но я знаю также, что если бы мой отец женился на здоровой деревенской девке, я не был бы литератором-неудачником, издыхающим от голода и еще больше от всевозможных унижений, а заведовал бы теперь где-нибудь Откомхозом, и была бы у меня смачная, мясистая

баба, крепыши-ребята, а в кармане хрустели б червонцы и позвякивали полтинники...

Было бы долго рассказывать здесь о моих семейных отношениях, о моей борьбе с отцом, закончившейся только с его смертью, о моих детских и юношеских впечатлениях. Это – тема для целого романа, и, если б я выбился когда-нибудь из невероятной нищеты, я написал бы его».

Вот из такой среды вышел один из самых колоритных персонажей Серебряного века.

* * *

«Писать прозой» Тиняков начал еще до поступления в гимназию; первые стихи сочинил в пятнадцать лет. В конце 1902 года бросил Орловскую гимназию, одним из преподавателей в которой был уже тогда известный литератор Фёдор Крюков, и впервые серьезно рассорился с родителями.

Что он – шестнадцатилетний – делал несколько месяцев, где жил – практически неизвестно. От того периода осталось очень мало документов. Например, коротенькое письмо Зинаиды Гиппиус от 2 мая 1903 года, извещающее, что стихи Тинякова не могут быть напечатаны в журнале «Новый путь».

Еще один документ – письмо Тинякова Льву Толстому от 17 сентября 1903-го, отправленное из Орловской губернии: «Я был у Вас в Ясной Поляне в январе, когда Вы были больны. В ответ на мое письмо Вы ответили мне коротенькой запиской, в которой, между прочим, не советовали разрывать с родителями. Вы дали этот совет, не зная меня и моих обстоятельств, но тем не менее мне тогда же пришлось последовать ему. Я возвратился в семью и даже в гимназию».

Письмо Толстого, на которое ссылается Тиняков, неизвестно. В своем рассказе «Дедушка» (журнал «Урал», 2017, № 1), я попытался представить последние часы жизни Александра Ивановича, его воспоминания о детстве, юности, мысленное раскаяние перед дедом Максимом Александровичем (умершим как раз в переломном для нашего героя 1902-м) и сочинил то пропавшее письмо Толстого:

«Возвращайтесь домой, помиритесь с родителями, дедушкой. И, пожалуйста, не становитесь современным поэтом. Современные поэты – люди ненормальные. Вы крестьянин, а крестьян в свете не любят. И в литературном кругу тоже. Будете на побегушках у дворянских фуражек, смеяться над вами будут – и погубят».

Забавно, что теперь это сочиненное письмо можно найти в интернете в некоторых очерках о Тинякове, представленное как подлинный документ…

Дошедшее до нас послание Толстому Александр отправил через несколько дней после своего литературного дебюта: 14 сентября в «Орловском вестнике» было напечатано стихотворение в прозе «Последняя песня» за подписью «Одинокий».

Этот псевдоним, по общему мнению литературоведов, был позаимствован у шведского писателя Стриндберга – как раз в 1903-м вышел роман с таким названием. Впрочем, быть может, на него Тинякова натолкнуло название деревни Одинок, находящейся от его родного Богородицкого в трех десятках верст.

Первые публикации Тинякова-Одинокого были в надсоновско-декадентском ключе.

…И, припомнив все Страданья, мрак и холод Умиранья,
Высоко в простор небесный взглядом мертвым я взгляну,
И к лучам звезды прелестным из темницы своей тесной остов рук
я протяну,
И, нарушив сон чудесный раздирающим рыданьем,
Воплем жалобы, стенаньем тишь Молчанья всколыхну…

Но писал он и другое:

Черные впадины окон
Нежно целует закат,
Землю и дали облёк он
В розово-грустный наряд.

Сумерки – темные чёлны
Близят к закатным огням.
Сумерек мягкие волны
Солнечным ранам – бальзам!

Кротким молитвенным гимном
Встречу прибытие их;
В воздухе вечера дымном
Тихо зареет мой стих.

В декабре 1903 года Тиняков побывал в Москве, где завел первые литературные связи – с Серафимовичем, Леонидом Андреевым, Брюсовым. «Знакомство с первыми двумя мне не дало почти ничего, но зато Брюсов на долгое время стал моим литературным учителем и предметом моего поклонения».

В 1904 году состоялась публикация в московском альманахе «Гриф», затем стихотворения печатались в «Весах», «Золотом Руне», «Перевале», «Голосе жизни», «Аполлоне». В конце 1904 года Тиняков посылает своему знаменитому земляку Ивану Бунину подборку для журнала «Правда» и вскоре получает сердитый, но честный ответ:

«…А кое-что мне прямо не нравится – как напр<имер> стих<отворение> “Мертв<енно>-бледн<ые> крылья”... с его “скорпионовскими” выкрутасами в роде какой-то “свечи” в какой-то совершенно для меня непонятной “Заброшенной” дали, написанной почему-то с больш<ой> буквы, и мелких декадентских новшеств, состоящих в употреблении во множеств<енном> числе таких слов, как “шум”, “дым”, и т. д.»

Впрочем, некоторое время Бунин не терял надежды сделать из Тинякова реалиста.

Автором «Скорпиона», возглавляемого главным символистом России Валерием Брюсовым, Александр Иванович, кстати, как раз не стал (в отличие от Бунина)… Вообще отношение Брюсова к нему странное: на протяжении лет он давал молодому последователю надежду на издание книги, обещал протекции и печатные отзывы о его стихах, но ничего этого не сделал. Может быть, причина была в том, что Тиняков публиковался на страницах главного конкурента «Скорпиона» в Москве – альманаха «Гриф»? Не исключено, что Александр Иванович, столь приятный честолюбию Брюсова как последователь его символистских теорий и практик, был все-таки поэтом (по крайней мере в то время) более чем посредственным, и мэтр не хотел «мараться» похвалами.

Есть мнение, что корень публичного молчания Брюсова о Тинякове – любовный треугольник: Брюсов – Нина Петровская – поэт Одинокий.

Вскоре после выхода первой тиняковской книги «Navis Nigra» в 1912 году, на которую Брюсов, вопреки обещанию, не отреагировал ни рецензией, ни хотя бы несколькими словами в печати, их отношения практически сошли на нет… В 1915-м в письме Владиславу Ходасевичу наш герой напрямую называет своего учителя «бездарным».

* * *

Тиняков в 1904–1916 годах – достаточно заурядный стихотворец, плодовитый литературный журналист и рецензент (особенно после переезда в Петербург в 1912-м), эксцентрическая личность. Периоды поистине каторжного писательского труда сменяются шумными запоями, от которых его лечат в психиатрических клиниках; заискивание перед более успешными собратьями по перу перерастает в озлобление. Тиняков то революционер-эсер, то монархист. Хотя черту он не переходит. С ним ведут переписку очень многие литераторы, в числе которых Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Николай Гумилев, Алексей Ремизов Игорь Северянин. Он «на дружеской ноге» с Александром Блоком.

Но отношение к Тинякову несерьезное. Он сам давал к этому повод: несмотря на поражавшую современников начитанность и память, постоянно просил совета, кому-нибудь подражал. И в жизни, и в стихах.

«…Сквозь романтическую наружность сквозило что-то плебейское», – через три десятилетия напишет о Тинякове 1900-х в то время его приятель, а позже враг Владислав Ходасевич.

Сборник «Navis Nigra. Книга стихов. 1905–1912 годы» он готовил тщательно и долго. На обложке поместил и свой псевдоним, и настоящие имя и фамилию. «Чтоб не спутали с другим Александром Тиняковым или другим Одиноким», – иронизировали современники.

Но, наверное, готовил слишком долго – книга вышла в год, когда читателей увлек только что народившийся акмеизм, когда критики ругались из-за будетлян и эгофутуристов. Запоздалого символиста Тинякова, которому тогда исполнилось двадцать шесть, почти не заметили. «Всегдашние дети вчерашнего дня», – охарактеризовал собранное в «Navis Nigra» Николай Гумилев.

Несколько коротких и, в общем-то, дежурных рецензий за авторством Бальмонта, Городецкого, Гумилева, М. Чуносова (Иеронима Ясинского), Ходасевича привлечь к книге широкое внимание не могли. По сведениям литературоведа Николая Богомолова из девятисот экземпляров за год было продано лишь семьдесят пять.

«…В публике моя книга успеха не имела, и мне никогда не дано было изведать тех сладостных и упоительных (пусть хоть мимолетных!) – радостей, которые выпали на долю С. Городецкого, потом – Игоря Северянина, еще позже – Есенина и которые теперь каждый день выпадают на долю самых бездарных и безмозглых бумагомарак». К такому заключению Тиняков придет в «Отрывках…» спустя тринадцать лет.

Приведу два полярных стихотворения из «Navis Nigra». Первое отсылает нас одновременно и к Бунину, и к Бальмонту:

В златые саваны деревья облеклись,
И скупо льётся свет на землю с поднебесья…
Бледна и холодна и безучастна высь
Печальною порой, порою златолесья.

Как скорбная вдова, смирясь, лежит земля,
Глубоко схоронив в груди своей обиды,
И пустота мертвит открытые поля,
И буйный ветр поёт над ними панихиды…

Впрочем, немногочисленные читатели отметили совсем другие строки:

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.
Пусть с печалью или с гневом
Человеком был я плюнут,
Небо ясно, ветры свежи,
Ветры радость в меня вдунут.
В голубом речном просторе
С волей жажду я обняться,
А пока мне любо – быстро
По канавке грязной мчаться.

Здесь слышится желание эпатировать, чувствуется игра и надуманность. Но придет время, и эта тема – плевка, человека-плевочка – станет у Тинякова главной и выстраданной. И она даст повод о нем вспоминать, пытаться понять, что это была за личность…

О его жизни до 1916 года сведений немного. Подписи к стихотворениям показывают, что он много ездит. Москва, Орел, Богородицкое, село Пирожково, Киев, деревня Кишкино, Самара, Брянск, Курск, Тула… Несколько стихотворений апреля 1906 года подписаны «Орел, тюрьма, камера № 81». За что он попал за решетку – доподлинно неизвестно. Позже Тиняков намекал на свою революционную деятельность.

Отношения с родителями то налаживаются (деньги на издание первой книги дал отец), то портятся.

Наверное, более-менее объективный портрет Тинякова второй половины 1900-х – начала 1910-х можно найти в письме Ходасевича Борису Садовскому от 22 апреля 1916 года:

«Тиняков – паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем, (уход из Северных записок), потом кадетом (Речь). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. Эта способность (или порок) физиологическая. Она ни хороша, ни дурна, как цвет волос или глаз. В моменты переходов он, вероятно, немножко подличал, но я думаю, что они ему самому обходились душевно недешево. Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит. Меня лично иной раз от этого и подташнивало, но меня и от Раскольникова иной раз рвет».

Это написано в разгар так называемой «тиняковской истории», речь о которой впереди и в которой Ходасевич занял позицию Садовского. Поэтому характеристика Тинякова резка, хотя упоминание о метани-

ях от эсеров к монархистам, от черносотенцев к кадетам справедливо. Александр Иванович будет метаться еще не раз.

* * *

В конце 1912 года он оседает в столице империи.

«…Переехав в Петербург, я начал работать энергичнее, – вспоминал Тиняков в “Отрывках…”. – В 1-м номере “Северных Записок” за 1913 г. появилась моя статья о Тютчеве – “Великий незнакомец”. В том же году я начал работать в “Новом Журн<але> для всех”, где поместил ряд стихотворений, рецензий и повесть “Старый редактор” (1914 г., № 3), надо сознаться, очень плохую.

Вершиной моей литературной деятельности и известности надо считать 1915-й год, когда я писал в газетах “День”, “Речь”, “Голос”, в “Историч<еском> Вестнике”, в “Ежемес<ячном> Журнале” Миролюбова и во множестве еженедельников. Мои рецензии обращали на себя внимание, о моих фельетонах говорили (особенно сильный шум вызвала моя статья “В защиту войны”, направленная против Леонида Андреева и напечатанная в “Речи” 26 октября 1915 г.). Виднейшие писатели интересовались мною. Одно время я был в очень хороших отношениях с Ф.К. Сологубом, затем еще ближе сошелся с Д.С. Мережковским и с Зин.Н. Гиппиус, которую я и сейчас считаю самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов. Ко мне с неизменной благожелательностью относился Ал. Блок (мои воспоминания о нем в петербургск<ой> газете “Последние новости”, 1923 г., 6-го августа). Завязалась у меня переписка и личное знакомство с М. Горьким. Старый мой учитель по Орловской гимназии Ф.Д. Крюков предлагал мне работать в “Рус<ском> Богатстве”, я имел также предложение возобновить работу в “Северн<ых> Записках”. А.С. Изгоев говорил мне о работе в “Рус<ской> Мысли” и т. д.

Но в начале 1916 г. все это разом оборвалось…»

Да, именно – «оборвалось». В 1916 году открылось, что наш герой почти одновременно печатался и в кадетской газете «Речь», и, под псевдонимом Александр Куликовский, в черносотенной «Земщине». Причины этого открытия, по-моему, тянут на детективный роман, в котором отлично можно показать нравы литературного мира.

По сути, таковым произведением и является повесть в документах Вардвана Варжапетяна «Исповедь антисемита, или К истории одной статьи».

Рамки очерка не позволяют рассказать о «тиняковской истории» подробно. Поэтому – в общих чертах.

Дело в том, что весной 1915 года Тиняков опубликовал заметку, в которой критически оценил книгу статей «Озимь» своего покровителя Бориса Садовского. Тот обиделся и стал намекать в беседах с прогрессивными собратьями по писательскому цеху, что Тиняков сотрудничает в «Земщине». Осенью появилась совсем не хвалебная рецензия Александра Ивановича на сборник рассказов Садовского «Адмиралтейская игла», Садовский в начале 1916-го ответил стихотворным фельетоном «Литературные типы. История одинокого человека» в «Журнале журналов», где уже вполне чётко поведал о связи Тинякова-Одинокого с «Земщиной».

Обвиненный напечатал в том же журнале «Исповедь антисемита», обвинив Садовского в том, что это он познакомил его с Борисом Никольским, Василием Розановым и вообще ввёл его, Тинякова, в черносотенный круг. Себя же оправдывал тем, что он не низок по своей природе, а – «неустойчив».

Дело, может быть, спустили бы на тормозах, тем более что оно касалось прошлого – в «Земщине» Тиняков печатался в основном в 1913 году, но чем больше он оправдывался и обвинял Садовского, тем больше раздражал либеральный кружок. Его пытались увещевать Гиппиус, Блок, Ремизов, Тиняков же распалялся всё больше и в конце концов в апреле 1916 года вернулся в «Земщину».

Похоронил себя Александр Иванович статьей «Русские таланты и жидовские восторги». Приведу из нее выдержки:

«Хотелось бы всем этим юношам, падким на похвалу иудейскую, сказать, как друзьям и согражданам своим:

“Не верьте вы, братцы, жидовской ласке и не гонитесь за дешевой газетной славой. Не на то вам дал Господь зоркие очи и чуткие сердца, меткую речь и певучую песню, чтобы вы несли их на потеху и усладу жидам. Давши вам дары, Господь возложил на вас тем самым и труд, и призвал вас к деланию добра. <…>

От вас, “Есенины”, требуется большее. И чтобы сделать это большее, надо не по эстрадам таскаться, а в тишине и близости к родному народу работать над развитием и раскрытием данных вам духовных сил. <…>

Но как неразумные бабочки на огонь, летят Есенины, Андреевы, Городецкие на обжигающий свет Иудиной ласки. И падают опаленные, и ползают во прахе, вымаливая хоть “корочку славы” у всемогущего рекламиста еврея...

Но за чертою жидовской эстрады жива еще бесконечная, смиренная и сильная Русь, и жив еще тот мужик Марей, “с запачканным в земле пальцем” и “с материнской улыбкой”, который успокоил и утешил когда-то великого писателя нашего – Ф.М. Достоевского».

Записка Алексея Ремизова Тинякову от 26 апреля 1916-го:

«Дорогой Александр Иванович!

Завтра 27-го часа в 4-е можете зайти к нам.

А. Ремизов

Да захватите № Земщины, где про Есенина написали».

А из письма Тинякова Ремизову от 14 мая мы узнаем, что автор знаменитой «Посолони» прекращает с ним отношения. Ремизов, кстати сказать, держался дольше всех…

Прогрессивные простили дворянина Садовского (Блок поцеловал, Ходасевич написал ему письмо, где есть такие слова: «Оправдывал я Вас тем, что многое, по-моему, Вы делаете “так себе”, а может быть, и с беллетристическим и ядовитым желанием поглядеть “что будет”, понаблюдать того же Тинякова, ради наблюдения мятущейся души человеческой. Правда, это немножко провокация, но почему-то не хочется (а не нельзя) судить Вас строго»), а Тиняков стал изгоем. До поры до времени его еще публиковала «Земщина», но и она в конце концов ему отказала.

Статьи, напечатанные в этой газете, читать неприятно. Они отвращают от себя, главным образом, грубой прямолинейностью, зашкаливающей и неоправданной экспрессией. Мысли же, высказанные Тиняковым, во многом повторяют Достоевского и Розанова, которым он в тот период явно подражал…

Кстати сказать, подражал Александр Тиняков на протяжении почти всей творческой жизни. То Брюсову, то Блоку, то Бунину, то Бодлеру, Верлену… Лишь в начале 20-х наконец выплеснул несколько ни на кого не похожих стихотворений, которые составили третий его сборник, а затем променял литературу на нищенствование. (Или сделал вид, что променял?)

Был ли он убежденным антисемитом? Может быть, и был – в том числе и за бытовой антисемитизм его арестовали в 1930-м. Но написать те статьи, что печатала «Земщина», Тинякова, по-моему, подтолкнула потребность быть человеком наоборот. В деле Бейлиса почти все здравомыслящие если и не уверились в невиновности подсудимого, то уж точно видели и осуждали предвзятость суда (в том числе такой крайний антисемит-теоретик, как Василий Шульгин, сделавший для оправдания Бейлиса очень много), а Тиняков – не хотел видеть и осуждать. Закатив глаза, клекотал об арийской расе, которой суждено спасти цивилизацию, а ей мешают…

Желание быть не как все наш герой демонстрировал многократно, и зачастую довольно глупо. К примеру, по свидетельству Алексея Ремизова, в начале Первой мировой войны, когда антигерманские настроения были на пике, он кричал на всю Фонтанку: «Да здравствует император Вильгельм!» В конце 1920-х, когда даже шепоток против советской власти мог стоить очень дорого, Тиняков… Впрочем, об этом позже, и это, наверное, самое важное, что он сделал в своей не получившейся жизни…

* * *

Чем занимался и чем жил Александр Иванович с лета 1916-го до осени 1917 года – покрыто мраком. От того периода не осталось писем, или они пока не пущены в оборот. Почти нет и стихотворений. Вот датированное сентябрем 1916-го. По-моему, оно одно из сильнейших у Тинякова-Одинокого, по-настоящему искренних:

Все равно мне: человек и камень,
Голый пень и свежий клейкий лист.
Вечно ровен в сердце вещий пламень
И мой Дух непобедимо чист.

Всем терзаньям, всем усладам тело
Я без сожаленья отдаю,
Всем соблазнам я вручаю смело
Душу преходящую мою.

Мне уже не страшно беззаконье,
Каждый звук равно во мне звучит:
Хрюкнет ли свинья в хлеву спросонья,
Лебедь ли пред смертью закричит.

Уж ни жить, ни умирать не буду,
Стерлись грани, дали, времена,
Только Я – Один во всем и всюду,
А во Мне – лишь свет и тишина.

Известно, что он попытался выпустить вторую книгу стихотворений, но не нашел издателя…

Кстати будет сказать, что в то же время остракизму подвергся и другой поэт из крестьян – Сергей Есенин. Вот как об этом много позже вспоминал Георгий Иванов:

«Кончился петербургский период карьеры Есенина совершенно неожиданно. Поздней осенью 1916 года вдруг распространился и потом

подтвердился “чудовищный слух”: “Наш” Есенин, “душка-Есенин”, “прелестный мальчик” Есенин представился Александре Федоровне в Царскосельском дворце, читал ей стихи, просил и получил от Императрицы разрешение посвятить ей целый цикл в своей книге! Теперь даже трудно себе представить степень негодования, охватившего тогдашнюю “передовую общественность”, когда обнаружилось, что “гнусный поступок” Есенина не выдумка, не “навет черной сотни”, а непреложный факт. Бросились к Есенину за объяснениями. Он сперва отмалчивался. Потом признался. Потом взял признание обратно. <…> Книга Есенина “Голубень” вышла уже после февральской революции. Посвящение Государыне Есенин успел снять. <…> Не произойди революции, двери большинства издательств России, при том самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких “преступлений”, как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественность не прощала. Есенин не мог этого не понимать и, очевидно, сознательно шел на разрыв. Каковы были планы и надежды, толкнувшие его на такой смелый шаг, неизвестно».

Есенин сразу после Февральской революции стал сотрудничать с эсерами: «…Работал с эсерами не как партийный, а как поэт».

Но спокойно звенит
    За окном,
То погаснув, то вспыхнув
    Снова,
Железное
    Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

А что Тиняков? Месяцы после свержения Николая Второго и до Октябрьской революции никак не отражены в его биографии. Единственное свидетельство я нашел опять же у Георгия Иванова в очерке «Человек в рединготе»:

«Он сидел на Мальцевском рынке среди старух с серебряными ложками и мальчишек с пирожками. Он сидел в своем рединготе и цилиндре и торговал книгами. Вернее, безучастно смотрел, как любопытные перебирают его никому не нужный товар и уходят, ничего не купив. Шарф был туго замотан вокруг его короткой шеи, и в стоячих глазах светилась ледяная тоска. Это было при Керенском».

В предисловии к сборнику стихотворений Тинякова-Одинокого 2002 года Николай Богомолов сообщает, что именно «25 октября 1917 года совсем обнищавший поэт отбыл в родной Орел». Затем новое «белое пятно», а 1 мая 1918-го в орловских «Известиях совета рабочих и солдатских депутатов» появляется статья «Два праздника», подписанная псевдонимом Герасим Чудаков, за которым скрывался Александр Иванович. У него было еще несколько псевдонимов в то время – Александр Орловский, Антип Хлыстов, Г-м. Ч., Г.Ч. и так далее.

В годы Гражданской войны Тиняков жил сначала в Орле, затем в Казани, писал статьи о революции, революционном искусстве, откровенно подражая блоковской работе «Интеллигенция и революция»; выступал против антисемитизма («Позор и беда тем темным людям, которые поверят буржуазной клевете и начнут думать, что всякий еврей – враг. Пора уже забывать о разделении людей на ев-

реев и русских и т. д., пора вспомнить, что каждый человек есть прежде всего человек!»); печатал рецензии, где клял своих бывших кумиров вроде Зинаиды Гиппиус; сочинял рифмованные агитки. К примеру:

Революции грозная сила
Пред собою не знает препон:
В феврале она в щепки разбила
Николая Бездарного трон.
В октябре она смелым ударом
Соглашателей свергла во прах, –
И по сёлам промчалась пожаром,
И огнём расцвела в городах.
В этом огненно-грозном прибое
Гибнет старый, палаческий строй,
Но спасается в нём всё живое:
Воскресает народ трудовой…

Позже он не поместит их в свои сборники. Там будут совсем другие стихи.

Николай Богомолов разыскал многие десятки публикаций Тинякова в орловских, казанских и петроградских газетах 1918–1924 годов, собрал их названия и даты публикаций в «Материалах к библиографии А.И. Тинякова». Но это далеко не всё…

Выделяется статья «Корни контр-революции» от 10 и 18 сентября 1919 года, в которой «Антип Хлыстов» требует обратить внимание «Ч. К.» на И.М. Тинякова – Ивана Максимовича, отца нашего героя. Чекисты, видимо, не успели этого сделать, так как к городу подходила Добровольческая армия, которая заняла Орел 13 октября. (Иван Максимович умрет в 1921-м, мать, Мария Лукинична, скончалась как раз в 1919-м.)

Тиняков с октября уже в Казани. Активно публикуется в тамошних «Известиях» вплоть до конца сентября 1920-го. Чего стоят одни только названия: «Надо бить до конца», «В наступленье!», «Надо уничтожить дезертирство», «Колчак добит!», «Революция. Поэма в картинах», «С панами надо кончать!»

В «Отрывках из моей биографии» Тиняков очень лаконично напишет об этом периоде:

«Как выше я не касался вопроса о том, каким образом пришел я к крайним правым политическим взглядам, так и теперь не буду касаться вопроса о том, каким образом изменились эти взгляды под влиянием революции. <…> В 1918–19 гг. я работал в Орле, в 1919–20 гг. – в Казани, где, между прочим, выпустил в свет отдельными изданиями (за подписью Герасим Чудаков) книгу статей “Пролетарская революция и буржуазная культура”, антирелигиозную брошюру “Кое-что про Бога” и маленькую брошюру “О значении искусств” (все три – 1920 г.)».

В Пушкинском Доме хранится фотография нашего героя. Довольно молодой на вид – моложе своих тогдашних тридцати четырех, в отличном костюме-тройке, при галстуке, белая рубашка. Руки покойно сложены на круглом столике. И подпись: «Александр Тиняков. 16 марта 1920, Казань». Не скажешь, что еще идет Гражданская война, в Казанской губернии бушует крестьянское восстание, что повсюду разруха, голод. Фотография почти благостная, и человек на ней вполне мирный. Хотя есть

во взгляде какой-то огонь – «ястребинка в глазах», которую подметил поэт Алексей Лозина-Лозинский еще в дни «тиняковской истории».

Летом 1921 года большевистский агитатор Александр Иванович вернулся в Петербург (Петроград в то время снова стали называть именно так). Его ждали новые метаморфозы.

* * *

Работает в Политуправлении Балтфлота, заполняет полосы газет революционными материалами, но, оказывается, высокое искусство им не позабыто – в 1922-м в издательстве «Поэзия» увидел свет «Треугольник. Вторая книга стихов. 1912–1921 гг.». Псевдоним Одинокий отброшен, автор подписался четко и ясно: «Александр Тиняков».

Читая «Треугольник», понимаешь, что и эта книга вышла с запозданием на несколько лет. Появись такие стихотворения в гибнущем Петрограде в 1919-м, на них бы, может быть, обратили внимание. По принципу: вот он, голос смерти, дух разложения. Но в годы только что народившегося нэпа, некоторой эйфории после окончания войны стихи про секс со старой нищенкой в чужом подъезде, про мальчика из уборной, про собак – «дьяволоподобных уродов», про «захворавшего проказой», написанные до революции, вызывали лишь недоумение и брезгливость. Тем более что автор не скрывая меняет маски. То он египетский раб, то проститутка, то шудра, то прокаженный, то Христос… Искренностью здесь и не пахнет.

Впрочем, есть в книге несколько хороших (но не прекрасных) лирических стихотворений, есть и, на мой взгляд, шедевр:

ЕДИНОЕ

Я и блеск луны и солнца, и Священное
Слово в Ведах, и звук в эфире, и
Человечность в людях.

Бхагавад-Гита, VII,8.

Былинкой гибкою под ветром Я качаюсь,
Я Сириусом лью лучи мои в эфир,
И Я же трупом пса в канаве разлагаюсь,
И юной девушкой, любя, вступаю в мир.

И все очам людским доступные картины,
Все тени, образы и лики бытия
Во глубине своей божественно-едины,
И все они во Мне, и все они – лишь Я.

Христос израненный и к древу пригвожденный,
И пьяный сутенёр в притоне воровском –
Четою дружною, навеки примиренной,
е споря меж собой, живут во Мне одном.

Во всем, что вымерло, в деревьях, гадах, птицах,
Во всем, что есть теперь в пучине бытия,
Во всех грядущих в Мир и нерожденных лицах –
Во всем Единый Дух, во всем Единый Я.

Дата: «Апрель 1919 Орел».

Но коллеги Тинякова запомнили и потом цитировали в мемуарах другое стихотворение. Оно, в общем-то, стало его визитной карточкой, а вернее – ярлыком:

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь,
Только всего и желаю:
Бражничать блудно да есть.
Только бы льнули девчонки,
К чёрту пославшие стыд,
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит.

«Треугольник» почти не вызвал откликов. Декадент из прошлого не был нужен в новом мире, дореволюционные знакомцы Тинякова или умерли, или находились в эмиграции, или к эмиграции готовились, или же просто не захотели поминать бывшего черносотенца, а теперь беспартийного большевика, вдруг вспомнившего о лире…

О Тинякове и его стихах отозвались позже: оставили яркие, колоритные воспоминания Владислав Ходасевич и Георгий Иванов, оба покинувшие Советскую Россию в середине 1922-го. Правда, насчет самостоятельности сведений Иванова о Тинякове до сих пор есть сомнения… Художественные воспоминания о творческой богеме Петербурга (да чтоб со скандальчиком, с пикантными подробностями) в эмиграции ценились, и Георгий Иванов поставлял такую продукцию довольно обильно. Об одном только Тинякове у него несколько очерков-вариаций.

Но вот что писал Ходасевич, знавший Александра Ивановича хорошо:

«…Потерял и я его из виду. Настали бурные и сумбурные годы “взвихренной Руси”. Я уже думал, что где-нибудь сложил он свою голову – у белых, у красных, а то и попросту под забором. Внезапно – не то в конце 1921-го, не то в начале 1922 года – он объявился снова.

Я жил тогда в петербургском Доме Искусств. В дверь мою постучались – на пороге стоял Одинокий, даже не постаревший, только оборванный, – но мы все ходили тогда оборванными. Приехал он прямо из Казани, где, оказывается, года два редактировал газету.

– Значит, вы теперь коммунист? – спросил я.

– Нет, но мне с большевиками по пути, поскольку они отрицают Бога. Бога я ненавижу, Владислав Фелицианович, – прибавил он конфиденциальным тоном.

– А Бабу Ягу?

Он ухмыльнулся:

– Вы хотите сказать, что если я ненавижу Бога, то, значит, верю в Него? Ну что ж? Оно, может быть, так и есть.

Он заставил меня написать ему стихи в альбом и ушел. Его поселили в том же Доме Искусств, в той части, которая была предназначена для неопрятных жильцов. Там он пьянствовал и скандалил. По ночам приводил к себе тех десяти-двенадцатилетних девочек, которые днем продавали на Невском махорку и папиросы. Его соседка по комнате, старушка, бывшая артистка Мариинского театра, жаловалась, что он стучит к ней в тонкую дощатую перегородку и ругается:

– Скоро ты, старая ведьма, угомонишься? Перестань ворочаться, дьяволица, не мешай!

Он пробовал заняться литературной работой – из этого ничего не вышло. Меж тем нужны были деньги. Перед самым моим отъездом из Петербурга я встретил его на Полицейском мосту. Он был в новых штиблетах и сильно пьян. Оказалось – поступил на службу в Чека.

– Вы только не думайте ничего плохого, – прибавил он. – Я у них разбираю архив. Им очень нужны культурные работники.

И, подняв верхнюю губу, он захихикал. Больше я его не видел.

Конечно, злоба на мир жила в нем как следствие осознанной бездарности. (Я говорю о бездарности чисто поэтической, потому что вообще человек он был скорее одаренный.) Но на отдельных людей он эту злобу не обращал. К чести его надо сказать, что в нем не было злобы и на все сословие литераторов. Больше того: как ни было низко его падение, до зависти вообще и до персональной зависти к кому бы то ни было он не падал, за поэтическую свою неудачу не мстил никому».

Это из очерка «Неудачники», написанного во Франции в 1930-х.

Подтверждать или опровергать слова Ходасевича невозможно – слишком мало свидетельств. Но и у него, и у Иванова, и позже у Зощенко, который наверняка об эмигрантских очерках ничего не знал, Тиняков предстает именно неудачником, пьяницей, конченым человеком. Лишь в последние годы открылось, как этот конченый жил в последние годы. Жил двойной жизнь – одна проходила на Литейном проспекте, где он стоял с протянутой рукой, а другая в комнатке дома на улице Жуковского.

* * *

До весны 1924 года Тиняков держался на плаву. Его много печатали в петроградских газетах (писал он в том же бешеном темпе, что и в Орле и Казани, и с тем же революционным жаром); в 1922-м вступил во Всероссийский Союз писателей, тогда же издательство «Парфенон» выпустило составленный Тиняковым сборник статей о Федоре Тютчеве, включающий и статью самого Александра Ивановича. В 1923-м Орловское отделение Госиздата напечатало книжку «Русская литература и революция», которую сам Тиняков назвал «замечательной» и в этот раз не ошибся с оценкой. Замечательной эта работа является хотя бы по заложенной в ней мысли: русская литература на всем протяжении своего существования была контрреволюционна…

Достается в ней и, пожалуй, самому уважаемому Тиняковым человеку после разрыва с Брюсовым – Александру Блоку. Вот по поводу «Двенадцати»:

«В этой поэме нет ни одного прямого суждения по адресу революции, но, тем не менее, вся она звучит как обвинительный акт против революции <...> Вся суть нашей революции сведена к тому, что двенадцать красноармейцев убивают проститутку Катьку, которая изменила одному из них».

Написана «Русская литература и революция» была в Казани в 1920 году, но что заставило Тинякова напечатать ее в 1923-м, когда он уже издал «Треугольник» и явно отходил от агитационной прямолинейности, пытался вернуться в литературную среду?.. Мало того, добивался переиздания в Москве, но оно было запрещено Главлитом.

В те годы Тинякову покровительствовал Аким Волынский, один из первых теоретиков русского декадентства, не изменивший эстетиче-

ских убеждений и после Октября и в то же время поощрявший самые радикальные суждения строителей нового общества (такая вот редкостная широта взглядов), человек к тому времени пожилой, но активный, влиятельный: председатель правления ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей в 1920–1924 годах, председатель коллегии «Всемирной литературы». В архивах можно найти немало заявлений и просьб Тинякова на его имя.

В 1924 году Волынский по своей или чужой воле стал отходить от дел (он умрет в 1926-м), это наверняка повлияло на то, что для Александра Ивановича наступили очередные трудные времена. И тоненькая книжечка стихов под названием «Ego sum qui sum (Аз есмь сущий)», увидевшая свет в конце того года, стала воплем отчаяния. Который пусть далеко не всеми и далеко не сразу, но был услышан.

Сборник выпущен в конце 1924-го (на обложке 1925-й, на титульном листе 24-й), за свой счет, на обложке указано «Ленинград. Издание автора». В нем двенадцать стихотворений, присутствуют предисловие и послесловие.

Появление этого сборника, где, по мнению Зощенко, «все стихи были необыкновенные. Они прежде всего были талантливы. Но при этом они были так ужасны, что нельзя было не содрогнуться, читая их», хоть и в молодом, но уже окрепшем СССР удивительно. Конечно, в годы нэпа издать за свой счёт книгу мог (теоретически) любой, но, естественно, не любого содержания… Почти каждое из тиняковских стихотворений буквально вопиет об отчаянии отдельно взятого человека в коллективном обществе, призывает быть одиночкой, хищным и агрессивным, потому что только так возможно уцелеть… Эпиграфом к «Ego sum qui sum» вполне можно поставить возникший позже в лагерях девиз: «Сегодня ты, завтра – я», который в 90-е годы внедрился в ткань общенародного сознания. Не раз приходилось слышать эти слова от вполне интеллигентных людей, – интеллигентных, но доведённых до предела.

Причём, отстаивая в стихах право индивида всеми силами, всеми правдами и неправдами бороться за существование, Тиняков не оправдывает это тем, что его герой чем-то лучше большинства остальных. Нет, герой его – обыкновенный человек, ничем не выдающийся, но тем не менее очень хотящий жить дальше, знающий, что для себя-то центр вселенной – это не Бог, не коммунизм, не монархия, а – он сам.

…Неудачи мои и пороки
И немытый, в расчёсах, живот,
И бездарных стихов моих строки,
И одежды заношенной пот –
Я люблю бесконечно, безмерно,
Больше всяких чудес бытия,
Потому что я знаю наверно,
Что я – это – Я!

Страшный, уродливый, но романтизм. Подобный романтизм расцвел в конце 30-х во Франции. Мир трещал по всем швам, но индивиду до этого не было дела, – он хотел поплотнее поесть, совокупиться, выпить, не дать себя в обиду никаким силам… Первые романы Генри Миллера пышут этими желаниями. Обыкновенными для реального человека, но дикими для литературы…

Книжка «Ego sum qui sum» стала причиной того, что от Тинякова в очередной раз отвернулось литературное сообщество. Главным образом из-за строк, где упоминается Николай Гумилёв: «Может, – в тех гробиках гении разные, / Может, – поэт Гумилёв…» Создаётся впечатление, что Тиняков глумится над ним, недавно расстрелянным. И тщетно автор оправдывался, что написал стихотворение до ареста Гумилёва, тогда же читал знакомым… Сделавшись предметом какой-никакой, но литературы, оно вызвало у читателей (гумилёвских друзей и поклонников) законное негодование. Пополз даже слух, что именно Тиняков стал виновником ареста Гумилёва, впрочем, подтверждений этому не нашлось. Зато вспомнили (по наводке самого Александра Ивановича в предисловии к книжке), что он в 1921-м приветствовал приговор по таганцевскому делу в газете «Красный Балтийский флот» – статья «Работа буржуазной интеллигенции» от 10 сентября. В списке расстрелянных «мы находим… имя поэта, кстати сказать, весьма бесталанного, Николая Гумилева <…> невольно сначала поражаешься, а потом с благородным порывом обращаешься к нашей петроградской ЧК и невольно восклицаешь: “Прав твой суд, справедливо возмездие!”».

Может быть, Тиняков написал «Радость жизни» действительно до ареста и расстрела Гумилёва. То, что употребил фамилию именно этого поэта, достаточно закономерно – Гумилёв был воплощением активной жизни в поэтическом мирке Петербурга. Путешествия в Африку, действующая армия, своя поэтическая школа… И вот такой человек от какого-нибудь тифа или от голода умирает, а ничтожный герой стихотворения остаётся жить. Хоть на несколько дней («Скоро, конечно, и я тоже сделаюсь / Падалью, полной червей»), но протянет на этой земле дольше, чем мятущийся, жаждавший действия, приключений кумир тысяч барышень и юношей… Да и многолетнюю любовь Тинякова к Анне Ахматовой, его ревность к более удачливому ровеснику Гумилеву нельзя здесь не учитывать.

(1886-й, кстати сказать, был необыкновенно урожаен в России на литераторов. Кроме Гумилева, Ходасевича, Тинякова в тот год свет увидели Владимир Пяст, Михаил Лозинский, Сергей Дурылин, Пимен Карпов, Алексей Кручёных, Михаил Зенкевич, Алексей Лозина-Лозинский, Борис Эйхенбаум…)

В предисловии и послесловии к «Ego sum qui sum» Александр Иванович постарался подстраховаться на случай возможных идеологических и политических обвинений. Но оправдания то и дело перестают в декларацию:

«Я знаю, что многие читатели встретят мои стихи с негодованием, что автора объявят безнравственным человеком, а его книжку – общественно-вредной.

Такой подход к делу будет, однако, вполне неправильным.

Дело поэта, – как и всякого художника, – состоит не в том, чтобы строить или переустраивать жизнь, и не в том, чтобы судить ее, а в том, главным образом, чтобы отражать ее проявления.

В жизни же, как известно, всегда было, есть и будет, наряду с тем, что считается прекрасным и добрым, и то, что признается безобразным и злым. Художник, в моменты творчества по существу своему чуждый морали, волен изображать любое проявление жизни, “доброе” рядом с “злым”, “отвратительное” наряду с “прекрасным”.

За сюжеты и темы поэта судить нельзя, невозможно, немыслимо! Судить его можно лишь за то, как он справился со своей темой.

Я в моей книге беру современного человека во всей его неприкрашенной наготе.

Рожденные и воспитанные в нездоровых и неестественных условиях, созданных развитием капитализма, все мы – вплоть до самых лучших из нас, – не свободны от эгоизма, от известной косности и распущенности, от склонности к различного рода эксцессам и т. п.

Поскольку я являюсь общественным деятелем – хотя бы, например, в качестве сотрудника Советских газет, – я боролся и борюсь с такими антиобщественными навыками и склонностями.

Но поскольку я выступаю в качестве художника, желающего отразить психологию, скажем, кутилы или дошедшего до предельной черты эгоиста, тем более, если я говорю от лица подобных типов, – я не могу в то же время судить их и подчеркивать в моих стихах, что эти типы – плохи и что их ощущения, переживания и действия суть “зло”.

Если я передаю настроения загулявшего литератора, с восторгом говорящего о своем загуле, – это отнюдь не значит, что я “воспеваю” его и утверждаю как нечто положительное. Я только остаюсь в пределах художественной добросовестности, я только рисую, а судить о нарисованном мною образе с моральной или общественной точки зрения предоставляю читателю.

Убежден, что нарисованные мною образы и выраженные мною ощущения современного среднего человека никого не соблазнят и никому не повредят. Кутилы и распутники будут и без наших стихов предаваться кутежам и распутству, а людей, к этому органически не склонных, не увлечешь в эти дебри никакими картинами, никакими стихами.

<…> В моей книге высказана некая несомненная правда.

Но правда не есть Истина, – это читатели должны помнить во-первых.

Во-вторых, – я предвижу, что иные читатели, брезгливо улыбаясь, будут говорить: “Это автор про себя писал!”

Не совсем так.

Конечно, я писал и о себе (что бы я был за урод, если бы мне были чужды переживания, изображенные в моей книге!) – но все же больше я писал о тебе, – читатель-современник».

Через полгода с небольшим после выхода книги, Тиняков в «Отрывках…» отозвался о ней кратко: сборник «также был глупо облаян мелкотравчатыми газетными борзописцами. На самом деле эта маленькая книжечка – одно из самых замечательных явлений в области нашей новейшей поэзии».

«Ego sum qui sum» он выпустил, причем немалым тиражом в 2000 экземпляров, находясь в бедственном положении – в мае 1924 года были закрыты «Последние новости», газета, в которой Тиняков стабильно публиковался на протяжении почти двух лет, – и наш герой сделался безработным. Ни революционные агитки, ни рецензии, ни литературоведческие статьи Тинякова ленинградским изданиям не были больше нужны.

Видимо, значительную часть скопленных денег он потратил на издание этой своей «лебединой песни». А в марте 1926 года вышел на улицу то смиренно просить, то нагло требовать милостыню.

* * *

На протяжении довольно долгого времени существовала одна точка зрения на этот тиняковский поступок – спился, потерял человеческий

облик, опустился на самое дно. Историки литературы повторяли то, что написал о Тинякове Михаил Зощенко в повести «Перед восходом солнца» (советскому читателю 70–80-х ее большой фрагмент был известен под названием «Повесть о разуме»).

Я не буду цитировать посвященный «поэту Т.» отрывок из этого произведения. Во-первых, не позволяет объем, а во-вторых, быть может, не читавшие «Перед восходом солнца» найдут книгу и прочтут. Она уникальна. И образ «поэта Т.» здорово работает на идею, это, пожалуй, один из самых сильных отталкивающих персонажей, заставляющих героя-повествователя противостоять ударам судьбы, преодолевать депрессию, меланхолию. Но образ этот во многом придуман Михаилом Зощенко, создан в интересах общей темы.

Тиняков, ставший нищим, «потерявший человеческий облик», ужаснул не только героя «Перед восходом солнца», но и самого Михаила Михайловича. Он вспоминает о нем в письмах, рассказывает знакомым, в том числе Дмитрию Шостаковичу, который позже одним из первых выдвинет альтернативную версию ухода Тинякова в нищие. Вот из «Воспоминаний» великого композитора:

«Новые стихи Тинякова были посвящены голоду поэта – это была их центральная тема. Поэт прямо заявлял:

“И любой поступок гнусный / Совершу за пищу я”.

Это было прямое, честное утверждение, которое не осталось пустым звуком. Всем известно, что слова поэта часто расходятся с его делами. Тиняков стал одним из редких исключений. Поэт, еще не старый и все еще интересный мужчина, стал просить подаяния. Он стоял в Ленинграде на людном перекрестке с табличкой “Поэт” – на шее и со шляпой – на голове. Он не просил – он требовал, и испуганные прохожие давали ему денег. Тиняков хорошо зарабатывал таким образом. Он хвастался Зощенко, что зарабатывает намного больше, чем прежде, потому что людям нравится давать деньги поэтам. После тяжелого трудового дня Тиняков шел в дорогой ресторан, где ел и пил и встречал рассвет, после чего возвращался на свой пост.

Тиняков стал счастливым человеком, ему больше не надо было притворяться. Он говорил то, что думал, и делал то, что говорил. Он стал хищником и не стыдился этого.

Тиняков – это крайний случай, но не исключительный. Многие думают так же, как он, только другие культурные личности не говорят этого вслух. И их поведение не выглядит столь вызывающим. Тиняков обещал в своих стихах “пятки вылизать врагу” ради пищи. Многие культурные люди могли бы повторить гордый крик Тинякова, но предпочитают помалкивать и потихоньку “лизать пятки”».

(В наше время на страницах «Нового мира» (1998, № 7) литературовед Никита Елисеев выразит эту точку смелее:

«Современниками Тинякова были В. Катаев, С. Городецкий, Н. Тихонов, Вс. Рождественский.

Встает вопрос: кто ради “сладкой и вкусной пищи” (уж во всяком случае не ради конины и гнилой трески) вылизал “пятки врагу” – Тиняков, вставший с протянутой рукой на углу Литейного и Невского, или ученики расстрелянного Гумилева, ставшие советскими классиками?»)

В отличие от Шостаковича в герое зощенковского «Перед восходом солнца» говорит только оскорбленное чувство: «поэт Т.» предал искусство, стал животным. Никакого протеста, никакой высшей честности он не видит.

Повесть была написана во время Великой Отечественной войны и частично опубликована в 1943 году в журнале «Октябрь» (выпустить главку с «поэтом Т.» редакция не успела) после чего на Зощенко обрушились не только партийные руководители («вывернул свою мерзкую душонку» – Андрей Жданов), но и собратья, друзья. Михаил Михайлович был в прямом смысле раздавлен, остался без возможности жить литературой. Быть может, тогда он особенно часто вспоминал о стоявшем на перекрестке Тинякове, мысленно представлял себя на его месте. На месте антигероя той повести, из-за которой его буквально вышвырнули из советской литературы.

Зощенко не повесил на грудь картонку с надписью, подобную той, что повесил Тиняков. (Замечу, что надпись «Подайте бывшему поэту» Зощенко выдумал, в реальности она была другой – «Подайте на хлеб поэту, впавшему в нужду».) Он предпочел каяться, «перековываться». В письме своей подруге Лидии Чаловой в 1945 году он признавался: «Я теперь вроде начинающего. Мне-то это безразлично, даже легко. Но тебе, вероятно, будет досадно за меня, будешь огорчаться. А по мне, все равно, чем заниматься. Хоть куплетами. Работать буду, а что именно – это уж не такой значительный вопрос. Несомненно, театром займусь. Опереттой. Эстрадой. Мало ли дела.

Отдаю себе полный отчет, что все это не на 2-3 дня. Тут процесс длительный, так как дело не только во мне, а в новом требовании к искусству…»

Да, дела стали налаживаться, но через год с небольшим Зощенко вновь раздавили – на сей раз поводом стал рассказ для детей «Приключения обезьяны», – и он уже не смог оправиться. Доживал сломленным и тихим.

…Кстати, сюжет «Тиняков и Зощенко» достаточно многослоен. Известно, что Михаил Михайлович знал Тинякова еще задолго до революции, посещая литературные кафе. Общались по литературным делам в первой половине 1920-х; Тиняков подписал и подарил ему две последние книги стихов… Нищенствующий Александр Иванович стал прототипом героя повести Зощенко «Мишель Сипягин» о падении интеллигента. «Вообще человек, “потерявший человеческий облик”, – писал Корней Чуковский в воспоминаниях о Михаиле Михайловиче, – стал в ту пору, в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, буквально преследовать Зощенко и занял в его творчестве чуть ли не центральное место».

Герой «Перед восходом солнца» заявляет, что не знает «его дальнейшей судьбы» (после примерно 1928 года), но сам Михаил Зощенко о судьбе Тинякова знал.

Не так давно благодаря литературоведу Марии Котовой в научный оборот было введено письмо Тинякова от 6 июля 1933 года:

«Дорогой Михаил Михайлович!

Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо, но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно; отбывал я затем конец срока, – на положении почти свободного гражданина, – в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно. Став полноправным гражданином, я вновь вернулся в Питер и нашёл здесь жену, совершенно больную (туберкулёз костей), безработную, голодную. Попрошайничать на улицах боюсь, – как бы опять не выслали! Ищу везде работы, есть надежда, что недели через две получу и буду иметь хоть кусок хлеба. Но что делать до тех пор? Невыразимо тяжело отнимать последние крохи у больной женщины, которая и без того много-много для меня сделала.

Вы были в своё время добры ко мне, подавали мне… Но не думайте, что я бессовестный и бесчестный попрошайка по натуре. С краской стыда, с болью в сердце обращаюсь к Вам я сейчас. Если Вы в состоянии, то помогите мне на эти ужасные две недели маленькой суммой (не больше 25 руб.). И если у Вас среди хлама найдутся какие-нибудь рваные, никуда не годные брючёнки и что-нибудь из бельишка, это тоже пожертвуйте мне: дошло дело до зареза.

Простите меня! Если не отвергнете моей просьбы, то черкните, когда зайти: беспокоить я Вас не буду, возьму и уйду, унося в сердце вечную, неизмеримую благодарность к Вам.

Искренно любящий Вас

Александр Тиняков.

Адрес мой: ул. Жуковского, д. 3. кв. 7.».

Как бы хотелось узнать, помог ли ему Зощенко, отозвался ли как-то на это письмо. Не исключено, что и нет – это было попросту опасно, а Михаил Михайлович тогда находился в зените славы, собирался в писательскую командировку на Беломорканал…

«Он имел несчастье прожить больше, чем ему надлежало», – сожалеет Зощенко в «Перед восходом солнца», вспоминая Тинякова 1912 года, когда тот был чист, красив и читал эстетские стихи.

На мой взгляд, Александр Тиняков и был создан природой как раз для вот этой своей жизни, которая была «больше». После. Не будь её, мы бы имели другое представление об истории страны середины 20-х – начала 30-х, о людях, её населявших. Впрочем, о людях – это громко сказано, – Одинокий и остался одиноким. По-настоящему одиноким, единственным в своём роде. Не прятался, как Александр Добролюбов, в Узбекистане, не убил себя (эта версия существует, и игнорировать ее невозможно), как, видимо, понявший, что писать ему свободно уже не дадут, Есенин, не пытался наводить мосты к чуждой ему идеологии, как Михаил Булгаков, не продался за пайки, дачи и квартиры, как большинство перетёкших из одного социального строя в другой литераторов. Тиняков остался свободным.

* * *

Глеб Морев, первым, кажется, из литературоведов открывший уголовное дело Тинякова и скопировавший часть содержащихся в нем дневниковых записей, не так давно опубликовал статью «Нет литературы, и никому она не нужна» (интернет-журнал «Гефтер», 2018, 21 февраля), в которой, на мой взгляд, убедительно доказывает, что причиной ухода Александра Ивановича в нищие был не алкоголизм. Нищенство стало, демонстрацией, формой протеста: «Вариант писательской социализации, предложенный весной 1926 года Тиняковым, не имел ничего общего с бессознательным “падением” – это был его решительный и принципиальный выбор, все мотивации, общественно-политические смыслы и риски которого прекрасно им осознавались и тогда же вербализировались».

Но перед тем как сделать этот шаг, наш герой пытался найти работу, сотрудничать с газетами и журналами. Когда в Ленинграде это не удалось, он отправился в Москву. Сведений о поездке, состоявшейся в сентябре 1925 года, и ее цели почти нет, но она угадывается – Тиняков попытался устроиться там, в новой столице государства. Наверняка ничего не получилось, он вернулся в город на Неве и через полгода стал нищим.

Он подготовился к этому шагу. В марте 1926 года подал заявление о выходе из Всероссийского Союза писателей (в который вступил в 1922-м с большим трудом), изготовил табличку с надписью «Подайте на хлеб писателю, впавшему в нужду», запасся экземплярами своих книг для продажи. В конце марта или самом начале апреля 1926-го поэт Одинокий встал под стеной здания, в котором расположилось издательство «Колос».

Одно из самых, пожалуй, пронзительных свидетельств тиняковского нищенствования можно найти в книге Павла Лукницкого «Встречи с Анной Ахматовой». Запись из его дневника от 15 июня 1926 года: «По дороге к Замятиным, на Симеоновской, увидела просящего милостыню Тинякова. Смутилась страшно. Но подошла. Поздоровалась… После двух-трёх слов спросила – можно вам двадцать копеек положить? Тот ответил: “Можно…” АА эта встреча очень была неприятна. Было очень неловко».

(Эх, как бы хотелось узнать, как Ахматова поздоровалась, что это были за два-три слова, почему ей было неловко!)

Уход Тинякова в нищие явился, по общему мнению тогдашнего петроградского общества, уже окончательным финалом его непутёвой жизни. Потеря человеческого облика… Таких легче всего завербовать в осведомители, провокаторы, шпионы. Государству, да и всяким шарлатанам такие и нужны. Наверное, поэтому именно Тиняков стал прототипом омерзительнейшего Одинокого в романе Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея». Приведу фрагмент размышления одного из персонажей, литератора Льговского да и, в общем-то, самого автора (о своем отношении к Тинякову-Одинокому Быков высказывался не раз):

«Страшней было другое – что Одинокого в самом деле никогда не тронут: посадят всех, в том числе вернейших, – а этот, как памятник бессмертной, неприкосновенной низости, образцовый минус, от которого станут отсчитывать всё, будет стоять у себя на Измайловском или где он ещё там стоит в центре своего кружка… Он переживёт всех и останется, может быть, последним, округлый, нечёсаный, страшный, пахнущий сырым мясом. Время благоприятствовало теперь ему, ибо всё остальное не вышло, а Одинокому была самая пора».

Но доказательств провокаторской и тому подобной деятельности Тинякова в реальности нет, а вот в том, что его «никогда не тронут», Льговский оказался не прав – тронули… Не превратился Александр Иванович, оказывается, и в нищего в общепринятом смысле слова – имел крышу над головой, довольно большую библиотеку, которая каким-то образом сохранилась с еще дореволюционного времени и в которой имелись, между прочим, рукописи Тютчева; в 1928 году он женился на учительнице английского языка Марии Николаевне Левиной, которая взяла его фамилию.

А главное – Тиняков писал дневник, о существовании которого стало известно относительно недавно. Глеб Морев обнаружил выдержки из него в архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и частично опубликовал в своем «Живом журнале» в 2008 году. Готовясь к работе над этим очерком, я тоже посетил архив, прочитал уголовное дело нашего героя, переписал кое-что и из дневника…

Подшитые к делу странички школьных тетрадок нужны были следствию для доказательства антисоветской деятельности Тинякова. Особенно важные высказывания подчеркнуты красным карандашом.

Но есть в дневнике и лирические, и вполне бытовые записи, много внимания уделяется подсчету денег, собранных на панели.

«7 ноября <1929>. В прошлом году в этот день мы с Муричкой были вместе, гуляли по Невскому. Теперь я пришел в 6 ч., съел яблоки и булку, почитал немного Шпенглера (которого плохо понимаю) и так стало сиротливо, что пошел побродить по улицам. Невский – почти такой же, как в будни, ни особой толпы, ни огней. Шел и думал о том, что жена своим отъездом ушибла мне душу и что этот ушиб никогда не пройдет. Нашел на панели 2 коп. И хочу думать, что это – на счастье».

Жена вернулась, и вот запись от «26 (-13) ноября 1929 г. Мне исполнилось 43 года. Милая Муся! Милая жёнка! Подарила мне портфель…»

Да, жена наверняка страдала от того, что ее муж занимается нищенствованием. Дневник показывает, что и сам Александр Иванович периодически пытается пристроить то в одной газете, то в другой какие-то рецензии или статьи, переписывается с Городецким, живущим в Москве, по поводу публикаций и изданий.

В то же время (вернее, немного раньше сохранившегося фрагмента дневника) он отвергает просьбу издателя и библиографа Петра Витязева «написать стихи на тему “Книга”». «Я очень желал бы отозваться на Ваше предложение <…> Но – к сожалению, – не могу! Я не могу написать что-либо в похвалу книге в то время и в той стране, где книга превращена в орудие насилия над массами и в орудие издевательства над свободой мысли, совести и слова. И вообще – я думаю – нельзя сплести “благовонного венка книге” в стране, где нет свободы печати», – ответил Тиняков в письме Витязеву от 11 января 1929 года.

В своем дневнике бывший красный агитатор еще более откровенен в отношении к установившемуся строю.

«28 января <1930>. Мексика порвала сношения с совразбойниками. По этому поводу, конечно, “демонстрации”. Это всегда так: как только дадут по морде компалачам, так они сейчас же посылают на улицы совдураков и те ходят с красными флагами, играют “интернационал” и поют…»

«20 июня <1930>. На страну надвигается голод, быть может, величайший из всех, которые когда-либо переживала Россия. Половину скота порезали во время колхозного беснования: мяса почти нет и, конечно, не будет совсем, как и масла, молока, яиц. Рыбы и селёдок, из-за того же колхозного безумия, не выловили и половины того, что надо. Нет ни овощей, ни ягод, ни фруктов, ни табаку. Во вчерашней веч<ерней> газете появилась заметка о заготовке грибов, но и ведь грибов сукины дети не соберут и не заготовят. Дров тоже нет и не будет. Будет голод, будет небывалый мор и грузинский идиот Сталин будет справлять “пир во время чумы”».

«14 июля 1930 г. 12 июля К. М. Аксёнов дал мне 145 экз. “Треуг<ольника>“. Уплатил ему 3 р., продать же могу (если же себе оставлю 15 экз.) на 36 р. Но продать трудно, п<отому> что мелочи нет и ходить по пивным бесполезно.

Все последние дни были заняты 16<-м> съездом большевиков. Грузинский дьяволодурак ещё раз поставил на колени Рыкова и Томского и мимоходом давнул Крупскую. Молчал только Бухарин, но возможно, что на вчерашнем заключ<ительном> заседании и он растянулся на брюхе перед “дивной жопой Кавказа”. Эти “правые”, конечно, тоже сволочи, но они всё-таки понимают то, что надо же населению хоть что-нибудь жрать. Сталин же и его подручные обрекли на голодную

смерть десятки миллионов людей и не поперхнулись. Им бы только самим лопать до отвала, распутничать (Калинин) и властвовать над всеми и всеми помыкать. <…> Сегодня болит голова и пугает предстоящий день отсутствием у публики “мелочи”. Да и, кроме того, по-видимому начинают забирать нищих и отправлять их в “трудовые колонии”, т. е. в могилы для живых».

27 августа придут и за ним самим Тиняковым.

…Согласимся, что это писало не потерявшее «человеческий облик» существо, не конченый похабник и подонок Одинокий из романа «Остромов…». Писал некто более глубокий и всё-таки цепляющийся за цивилизованную жизнь, и в то же время смело судящий о политической и общественной жизни… Конечно, Александр Иванович наверняка терял человеческий облик, похабничал, но периодами, как немалая часть запойно пьющих.

Публикация повести в документах «Исповедь…» Вардвана Варжапетяна в «Литературном обозрении» сопровождена фотографией Тинякова, сделанной явно во второй половине 1920-х. Вполне себе человеческий облик, осмысленный взгляд. Даже борода подбрита на щеках.

Кстати, в повести Варжапетяна, одного из самых громких борцов с антисемитизмом, в 80–90-е есть неожиданный пассаж:

«Не оправдывая тиняковские гнусности, “тиняковщину”, замечу, что не будь их, Александр Иванович стал бы совсем иным человеком – чистеньким, приличным, трезвым, пахнущим одеколоном... и совершенно мне неинтересным. А истинный Тиняков мне с каждым днем роднее; пусть у него нет, как у великих, своего пространства в русской поэзии, но угол-то свой есть».

Угол действительно есть, и ощущение родства с ним заметно у многих, кто о нем писал. Даже если писал с отвращением и брезгливостью.

* * *

Да, демарш Тинякова был воспринят ленинградским литературным сообществом как оскорбление. Из-за этого поступка наш герой стал олицетворением падшего поэта, примером опустившегося на самое дно пусть не талантливого, но все-таки творческого человека, «человека книги», как сказал о нем Бенедикт Сарнов.

Интересно, что этот тиняковский жест вскоре повторил в Москве другой крестьянский сын, правда намного более известный, – тоже вышел с протянутой рукой…

Не так давно в журнале «Миллионер» была опубликована едкая колонка поэта и эссеиста Дмитрия Воденникова «Маленький человек на Литейном», центральной темой которой стало «“демонстративное” нищенство» Александра Тинякова. Автор относится к нему явно брезгливо, сравнивает с Воробьяниновым из «Двенадцати стульев».

В общем-то, каждый в своем праве, и я нисколько не осуждаю Воденникова и не хочу его разубеждать. Но, читая его колонку, я вспомнил про Николая Клюева.

Привожу отрывок из воспоминаний Ивана Гронского, главного редактора «Известий», сотрудника «Нового мира»:

«В 1932 г. мне сообщают, что Н.А. Клюев стоит на паперти церкви, куда часто ездят иностранцы, и просит милостыню: “Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Клюеву”, – и иностранцы, конечно, кладут ему в руку деньги.

Я вызвал Н.А. Клюева к себе в “Известия”.

<…> Входит среднего роста человек. Одет бедно. Пиджачок потертый, рубашка, подпоясанная ремешком, штаны потертые, сапоги русские. Бородка, В руках картуз. Глаза – узкие, умные, хитрые, пронизывающие. Стоит, сложив руки, около дверей. Дальше не двигается.

<…> С ним было приятно разговаривать, потому что это был энциклопедически образованный человек, прекрасно понимающий и знающий искусство.

Я говорю:

– Николай Алексеевич, почему Вы пошли на паперть?

– Есть нечего.

– У Вас в вашей келье иконы Рублёва есть?

– Есть.

– А оригинальная Библия XVII века есть?

– Есть.

– Так вот, если Вы продадите хоть одну вещь в музей, то два-три года можете прожить не нуждаясь. Значит, на паперть заставила идти Вас не нужда, а кое-что другое, этим другим является ненависть к большевикам. Вы с нами хотите бороться, мы бороться умеем и в борьбе беспощадны».

Похоже на историю с нищенством Тинякова? Похоже. Но про «падение» Тинякова регулярно вспоминают уже лет восемьдесят, а про Клюева с протянутой рукой – не очень-то (я лично узнал этот факт из книги «Клюев» Сергея Куняева, серия «ЖЗЛ»).

Демонстративное нищенство было формой если не борьбы, то протеста, которую выбрали два поэта, вышедшие – в буквальном смысле вышедшие – из цивилизации русского крестьянства, где крайняя форма горя выражалась в том, чтоб пойти по миру...

Попрошайничая, Тиняков заодно продавал свои книги, носил их и по пивным; иногда он пытался возобновить сотрудничество с газетами. Сочинял и стихи. Сегодня известно три написанных после 1924 года, остальные же или пока не разысканы, или погибли (по словам самого Тинякова, он писал в годы своего нищенствования регулярно).

Одно уцелевшее было обнаружено загадочным, но знаменитым литературоведом с ником lucas_v_leyden в альбоме Евгения Сокола, тиняковского земляка, с которым он виделся в Москве осенью 1925 года. По форме и содержанию это стихотворение близко к тем, что вошли в сборник «Ego sum qui sum».

Не нужны ни солнце, ни птицы,
Ни правда, ни совесть, ни честь,
Ни прелесть весны и столицы, –
А только б дорваться – поесть…

Два других находятся в уголовном деле поэта, являясь, как и дневник, вещественными доказательствами вины. Потому, видимо, и уцелели.

Одно датировано 1926 годом:

Чичерин растерян и Сталин печален,
Осталась от партии кучка развалин.
Стеклова убрали, Зиновьев похерен,
И Троцкий, мерзавец, молчит, лицемерен.

И Крупская смотрит, нахохлившись, чортом,
И заняты все комсомолки абортом.
И Ленин недвижно лежит в мавзолее,
И чувствует Рыков верёвку на шее.

Второе, под названием «Размышления у Инженерного Замка», – 21 июля 1927-го:

Печальны осенние стоны,
Нахмурился, ёжится замок.
И каркают хрипло вороны,
Быть может, потомки тех самых,

Которые мартовской ночью
Кричали в тревоге не зря,
Когда растерзали на клочья
Преступники тело Царя.

И мудрый, и грустный, и грозный
Закрылся безвременно взор –
И пал на Россию несносный,
Мучительно жгучий позор.
Не так же ли грязные руки
Взмятежили тихий канал,
Когда на нём, корчась от муки,
Израненный Царь умирал.

Не та же ль преступная воля
В Ипатьевском Доме вела
Зверьё, – подпоив алкоголем,
Терзать малолетних тела?

Желябов, и Зубов, и Ленин –
Всё тот же упырь-осьминог…
По-своему каждый растленен,
По-своему каждый убог,

Но сущность у каждого та же: –
У князя и большевика,
У каждого тянется к краже,
К убийству, да к буйству рука.

А к делу? К работе? Смотри-ка,
Взирай в изумлении мир,
Как строют Калинин и Рыков
Из русского царства сортир.

И правильно, мудро, за дело
Утонет Русь в кале своём,
Когда не смогли, не сумели
Прожить с светодавцем – Царём.

Конечно, не шедевры, но – почти одинокий голос несогласного. Ехидного и саркастического врага тех процессов, что происходили

тогда в СССР. А ведь врагов, всех этих тайных монархистов, белогвардейцев, просто ненавидящих советскую власть, как оказалось позже (много позже!), было тогда в избытке. Но они молчали, а этот «потерявший человеческий облик» оставил документы.

Много ли ещё можно вспомнить подобных свидетельств времени? «Собачье сердце», например, «Послание евангелисту Демьяну…» (его почему-то упорно приписывают Есенину); «Мы живёт, под собою не чуя страны…», басни Федора Сологуба. Вот вроде бы и всё из середины 20-х – начала 30-х. Потом наступило новое время, от которого тоже почти не осталось художественных документов, где бы запечатлелось недовольство коллективизацией, массовыми репрессиями, охотой на космополитов. Может, повесть «Софья Петровна» Лидии Чуковской – единственный такой документ о «большом терроре», но его никто не читал в то время, а стихи Тинякова были известны многим, – он сам декламировал их на публике…

Его уголовное дело тонкое. Около ста листов, почти половина которых – фрагмент дневника. Малый объем не удивляет: Тиняков признавался, причем делал это, кажется, не без удовольствия, хотя во время обыска пытался ерепениться: «…посылал сотрудников ОГПУ к “чорту”, обзывал хулиганами».

Из протокола допроса от 27 августа 1930 года: «Очутившись в 1926 г. без всякой работы, я ничего не мог придумать, как просить милостыню, повесил на грудь плакат с надписью: “Подайте на хлеб писателю, впавшему в нищету!” и сел с ним на улице. Так как эта надпись вызывала различные вопросы и пересуды и могла вызвать репрессии со стороны милиции, то уже в 1927 г. я плакат этот снял <…> Основными мотивами, доведшими меня до панели, я считаю требования современной Советской печати, которые беспартийным и мало начитанным в марксистской литературе человеком выполнены быть не могут; а именно: освещать вопросы текущего момента я не могу, а нейтральные статьи на чисто литературные темы мало интересуют руководителей современных изданий. Кроме того, не скрою и своего идейного расхождения с Советской общественностью настоящего момента».

Из протокола от 31 августа: «В дополнение к моим предыдущим показаниям своё стихотворение “Размышления у Инженерного Замка” и мои другия стихотворения с антисоветской окраской я неоднократно читал в пивных вслух и у своих знакомых. В своих разговорах, которые я вёл в пивных и у своих знакомых, я иногда высказывал недовольство существующим строем и его политикой».

Из протокола от 8 сентября: «…белогвардейцев ненавижу не менее, чем большевиков...»; «…мечтаю о патриархальном режиме далекого прошлого, о временах Ивана III-го и Дмитрия Донского. Там мои идеалы, мой “золотой век”».

Из протокола от 17 сентября: «Не имея никакого желания вести какую бы то ни было активную работу или агитацию, направленную против Советской власти, я, однако, должен сказать, что не исключена возможность того, что в будущем я никогда не буду делиться своими монархическими мыслями с теми людьми, с которыми меня столкнет судьба».

В деле много заявлений жильцов квартиры о том, что Тиняков и его жена часто пили и скандалили, что приводили домой сомнительных типов, что он часто обзывал соседей еврейской национальности жидами.

Есть свидетельства тех, кто видел, как подозреваемый занимается нищенством. «Тинякова я видел неоднократно просящим милостыню со словами: “Подайте бедному обездоленному писателю, обиженному советской властью”». Некоторые вспоминают, что пьяный Тиняков хватал людей и требовал денег. А о трезвом отзываются, как о «смиренном, тихом и интеллигентном человеке».

Выписка из протокола заседания тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 11.11.1930:

«Постановили: Тинякова Александра Ивановича заключить в концлагерь сроком на ТРИ /3/ года, считая срок с 27.8.30 г.».

Из обвинительного заключения:

«Сочиняет контрреволюционные стихи и распространяет их за плату.

ТИНЯКОВ. А.И. вел антисоветскую агитацию на улице, в пивных и в среде своих знакомых. Особенной активности она достигла в 1926 г., когда он наблюдая наши достижения и успехи в области социалистического строительства понял, что его надежды на реставрацию в стране монархического образа правления, рушатся. Это свое возмущение и злобу на существующий строй ТИНЯКОВ выразил демонстративным выходом на улицу с плакатом: “Подайте на хлеб писателю, впавшему в нищету”, – при этом ТИНЯКОВ на словах прибавлял: “и обиженному Соввластью”».

Так что здесь огэпэушники ближе к истинному смыслу выхода Александра Ивановича с протянутой рукой, чем собратья по писательскому цеху и поверившие им литературоведы.

Вещественными доказательствами были признаны два стихотворения, дневник за 1929–1930 годы и «2 книги его печатных произведений “Аз есть сущий” и “Треугольник”». Остальное изъятое при аресте: «42 тетради с рукописями и выписками из книг; разные выписки; печатные книги. Сочинения Тинякова и дневники 5 шт.» постановлялось конфисковать. Скорее всего, позже они были уничтожены.

* * *

О жизни Тинякова в «концлагере» и в ссылке ничего не известно, кроме саркастической, а может, и вполне искренней фразы из приведенного выше письма Михаилу Зощенко. Где был тот «концлагерь», достоверно не установлено. То ли Соловки, то ли Беломорско-Балтийский канал.

В статье «Хождение за Тиняковым», опубликованной 10 ноября 2016 года в газете «НГ Exlibris», Вардван Варжапетян приводит воспоминания его племянницы, известного литературоведа Ксении Дмитриевны Муратовой (1904–1998), записанные им в конце 80-х:

«…Я видела его и девочкой лет шести-семи, и девушкой, когда приехала учиться в Ленинград. Однажды кто-то из наших земляков сказал: “Шурка-то Богородицкий <…> на Литейном стоит с шапкой: “Подайте поэту, впавшему в нужду”. Мы с сестрой написали маме: “Может ли такое быть?” Мама ответила: “Может; а вы подойдите к нему, скажите, что вы Муратовы”.

Мы пошли. А он пьяный, ругается <…> Мы тоже подали и убежали. Потом говорили: “Тинякова как нищего, пьяницу и вредный элемент определили строить Беломорско-Балтийский канал”. Он вроде и там сгодился как поэт, писал в газету, которую чекисты издавали

для заключенных. Максим Горький в августе 1933-го снарядил туда целый пароход писателей. Лучших писателей собрали: Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Михаил Слонимский, Евгений Габрилович… Книгу писать. Думаю, Алексей Максимович говорил с чекистами о Тинякове, помог ему вернуться в Ленинград. Горький ведь считал, что Тиняков мог вырасти в большого прозаика, хвалил его рассказ “Пропащий”».

Ну, с Горьким Александр Иванович не мог встретиться ни на Соловках, ни на Беломорканале. В 1929-м, когда Горький посетил Соловки, Тиняков был на свободе, а на ББК не ездил вовсе. Писательская делегация побывала на канале в августе 1933 года, когда Тиняков уже вернулся в Ленинград.

Жить ему оставалось ровно год.

Известно, что на пропитание зарабатывал продажей в Пушкинский Дом, Гослитмузей, Государственную публичную библиотеку рукописей писателей XIX века, которые приобретал еще до революции, редких книг, страниц из книг с инскриптами известных литераторов.

О Тинякове этого периода современники почти не оставили свидетельств. Впрочем, как мне говорили архивные работники и в Петербурге, и в Москве, бумаги 1930-х еще только разбираются, поэтому появление новых фактов не исключено. Вот те крохи, что известны на сегодняшний день:

«…Прошёлся по Невскому. Встретил Тинякова на костылях и Хармса…» (Из записи в дневнике Михаила Кузмина от 28 июня 1934 года.) Интересно, порознь встретил или вместе? Известно, что Хармс очень интересовался Тиняковым, был с ним знаком.

А вот из воспоминаний Николая Александровича Энгельгардта «Эпизоды моей жизни», опубликованных в альманахе «Минувшее» в 1998 году:

«Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленно двигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фетровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом – и все же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это – писатель Тиняков».

Такие сочувственные строки написал, кроме всего прочего, тесть Николая Гумилева, в аресте и гибели которого периодически обвиняли и обвиняют Тинякова… (Умрет Энгельгардт, как и вдова Гумилева, и их дочь в 1942 году в блокадном Ленинграде.)

В давней уже, написанной до того, как многое о последних годах нашего героя стало проясняться, статье «Некто Тиняков. Одинокий…» орловский литератор Владимир Ермаков осторожно фантазировал:

«Вот вам версия, лишенная всякой доказательности, но заманчивая назидательной моралью. С началом террора Тиняков в депрессивном психозе, гонимый собственной тенью, исчезает из бывшей столицы. Теперь он жаждет безвестности так же страстно, как прежде славы. Бежать, скрыться! Куда? Инстинкт блудного сына ведет на родину. Здесь, в орловских улицах, доживает он свои никчемные дни, сколько бы их там ни было. Это уж совсем нам неважно. Никто его не узнает, никто его не хочет узнавать, да и не может узнать. Потому что и сам он уже

не Некто, а Никто. Карикатурный призрак декаданса, пародия на “проклятого поэта”. Умолкнувший неприличный звук. Бесплотный. Бездушный. Одинокий. Все – без следа. Вот только разве... неясная тоска. “Стоит в груди – и не тает...”»

Подобное писали и о Есенине, Клюеве, Клычкове: зачем, дескать, оставались в этих каменных мешках городов, вернулись бы на родину, к земле… Нет, прикипевшие к городам крестьяне очень редко из них вырывались, хотя и мучились, но в этой муке, видимо, черпали вдохновение.

«А у нас-то в деревне теперь – благодать. Сидел бы в валенках, читал бы Писемского и Мельникова-Печерского, пил бы умеренно водку, беседовал бы с немудреными деревенскими людьми, и не висел бы надо мной грозный и грязный вопрос: “А что я буду завтра жрать?” И к чему, и зачем я страдаю в Петрограде, – самому непонятно. Раньше, положим, был интерес к литературе и писателям, а это скрашивало ужас моей бедности. Но бедность перевесила, все почти убила, все опорочила – и теперь я – только голодный», – жаловался наш герой Борису Садовскому в 1914 году.

Петербург-Петроград-Ленинград раз за разом исторгал его, но Тиняков возвращался.

Первый исследователь его жизни Вардван Варжапетян в конце 1980-х установил, что умер Александр Иванович в ленинградской Больнице в память жертв революции (Мариинской), которая в трех сотнях метров от дома, где он обитал; умер 17 августа 1934-го в сорок семь лет. В этот день в Москве открылся Первый съезд советских писателей.

…В деле Тинякова последний лист отличается по цвету от других – он не серый и не желтый, а белый. Это справка о реабилитации от 18 марта 1998 года. В ней приписка: «Сведений о родственниках Тинякова А.И. не имеется».

– Извините, – решился побеспокоить я сотрудницу ФСБ, которая наблюдала за мной в кабинете (да и не наблюдала, а присутствовала для порядка, чтоб, наверное, не украл документы, не развернул сложенные листы, содержащие секретную информацию). – Извините, а если родственников нет, то кто подавал просьбу о реабилитации?

Вопрос, конечно, наивный, но я не специалист в этих вопросах.

Девушка взглянула на справку:

– Он был осужден тройкой. Таких автоматически реабилитировали. В соответствии с указом.

– А, да-да, – кивнул я, делая вид, что вспомнил; записал в блокнотик: «Автоматически реабилитированный».

Не знаю, согласился бы с этим «крайне своеобразный человек», по собственной оценке, Александр Иванович Тиняков.